



*Николай*  
**ЛЕОНОВ**  
*Алексей МАКЕЕВ*

# УСЛОВНО- ДОСРОЧНОЕ УБИЙСТВО



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Условно-досрочное убийство**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Леонов Н. И.**

Условно-досрочное убийство / Н. И. Леонов — «Эксмо»,  
2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-088937-2

К полковнику МВД Льву Гурову обратились коллеги из г. Крымска. Там в заброшенном карьере обнаружены тела четверых зверски замученных мужчин. Внимание оперативников привлекло крайнее истощение жертв и отрубленные пальцы рук. Кто-то очень не хотел, чтобы погибшие были идентифицированы. Гуров изучает детали убийства и находит в архиве несколько очень похожих нераскрытых дел. Значит, серийный маньяк? Но первые гипотезы рассыпаются как карточный домик. Гуров случайно встречается с рабом местного подпольного воротилы, сбежавшим из заточения. Его рассказ шокировал даже выдавшего виды московского сыщика.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088937-2

© Леонов Н. И., 2015  
© Эксмо, 2015

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# Николай Леонов, Алексей Макеев

## Условно-досрочное убийство

### Глава 1

Тусклый лунный свет скользнул по кирпичной стене. В его могильном мерцании зеленая слизь, покрывающая проемы между кирпичами, казалась злобещей. Несмотря на то что стены высотой не превышали двух метров, единственный источник света в виде пятисантиметровой смотровой щели под потолком не мог даже отчасти справиться со своей задачей, так что большая часть помещения совсем не освещалась. Впрочем, назвать помещением это убогое местечко, в буквальном смысле слова врытое в землю, было довольно смело. Подвалом его и то с натяжкой назовешь. Помимо низкого потолка, сырых неоштукатуренных стен и земляного пола помещение отличалось мизерными размерами: три метра в ширину и пять метров в длину. И никакой мебели. Совершенно никакой.

Тяжелый вздох заполнил неказистое помещение. В противоположном углу кто-то зашевелился, и вздох повторился. Сбоку послышалось недовольное ворчанье, которое тут же стихло. У обитателей каморки на долгое выражение возмущения попросту не хватило бы сил. Звуки шагов бредущего человека были едва различимы. О его продвижении говорили лишь слабые вскрики тех, на кого он наступал, не имея возможности видеть хоть что-то под ногами. Благо путь был недолгим. Всего-то и требовалось, что преодолеть несколько метров через немые тела, вповалку лежащие на земляном полу. Ориентиром служил все тот же стон.

– Шурик, это ты стонешь?

– Он, он, задрал уже, – нарушил тишину грубоватый голос с акцентом.

– Тише, Влад, всеобщую порку устроить хочешь?

Тот, кто шел на стон Шурика, явно разозлился. Влад, выразивший недовольство стоном товарища, понял это и заткнулся. Обращавшийся к Шурику человек склонился над ним, слушая его дыхание. Какое-то время воздух из груди Шурика выходил относительно ровно, но вот характер дыхания изменился, и комната огласилась новым стоном. Если бы в комнате было хотя бы немного света, подошедший увидел бы на лице Шурика гримасу невыносимой боли. Но ни лампами, ни окнами каморка не была богата, поэтому о том, насколько тяжело переносит боль Шурик, склонившийся к нему человек увидеть не мог. Зато мог вообразить себе это. За долгие годы, проведенные в каморке, он много чего успел насмотреться.

– Что? Кто здесь? – с трудом разлепляя спекшиеся губы, выдохнул Шурик.

– Тихо, тихо! Не нужно волноваться. Это я, Леха. Шурик, где твоя бутылка?

Ответа не последовало. Бутылка нашлась в ногах. Леха поднял ее, потряс и, ни к кому не обращаясь, проговорил:

– Пустая!

– Он ее еще в обед выглохтал, – подал голос Влад. – Я его предупреждал, что новой порции до утра не будет, только разве меня кто слушает?

– Заткнись, Влад! – оборвал его Леха.

Он приложил руку ко лбу Шурика – кожа горела огнем. «Под сорок поднялась. Если так дело и дальше пойдет, больше суток он не протянет. Все, решено: завтра, как только появится Бультерьер, потребую антибиотики. И черт с ними, с плетью. Смолчу, подождем здесь все, а они новых наwerbуют».

– Леха, пить, – сделал попытку ухватить его за руку Шурик.

– Потерпи немного. У меня еще осталось, сейчас принесу.

Обратный путь Леха проделал быстрее. Обитатели подземелья, разбуженные разговором, затеянным в неурочное время, старались отползти, давая возможность ему одному передвигаться не по расprostертым телам, а по полу. Пять шагов туда, пять обратно, и Леха снова склонился над Шуриком. Крышку с пластиковой бутылки снимать не стал, лишь слегка отвинтил. Слабая струйка коснулась потрескавшихся губ. Шурик жадно облизнул их, приоткрыл рот, ловя капли драгоценной влаги. Когда струя иссякла, он простонал:

– Еще немного!

– Все, Шурик, достаточно. До утра еще часа четыре терпеть, а в бутылке не больше трех глотков. Да и гарантии нет, что Бультерьер сразу бутылки заменит. Знаешь ведь, он и до полудня промурыжить может. – Леха плотно закрутил крышку, но возвращаться в свой угол не стал.

– Помираю я, Леха, – внезапно произнес Шурик.

– Ерунды-то не говори! Отлежишься, первый раз, что ли? – грубовато оборвал его тот.

– Нет, не выкарабкаться мне в этот раз. Чую, конец пришел. – Шурик ухватился-таки за его руку, из последних сил подтянулся, пытаясь занять сидячее положение. – Помогите сесть, Леха. Не хочу, как собака, на земле помирать.

– Ты не умрешь, – подтягивая Шурика к стене, чтобы он мог опереться на нее спиной, убеждал Леха. – Нам бы только утра дожждаться. Обещаю, я заставлю эту мразь выдать нам антибиотики и больше воды. Увидишь, скоро все изменится.

– Забудь, Леха! Только проблем себе наживешь. Не даст он ни воды, ни лекарств.

– Ну нет. Дальше я терпеть его издевательства не намерен. А за меня не беспокойся, я уже все продумал, – зашептал Леха. – У меня аргументы железные, только бы Бультерьер хозяину все слово в слово передал.

– Не станет он. Сам же знаешь, он его боится до чертиков.

– Посмотрим, – возразил Леха. – А ты надежды не теряй. Прорвемся, друг!

У смотровой щели появилась тень, и тут же послышалось злобное рычание.

– Заткнетесь вы сегодня? Слышите, уже собак разбулгачили, – опасливо зашикали со всех сторон. – Нарветесь, а за вас всем от Бультерьера достанется.

Не просто так все обитатели подземной каморки называли надзирателя не иначе как Бультерьер. И не потому, что бросался на них, как собака, а потому, что поведение его предсказать было невозможно. За малейшую провинность или неповиновение он мог исполосовать любого из обитателей подвала до кровавых полос. Что выведет Бультерьера из себя в следующий раз, не знал даже он сам.

Собаки не унимались. Тихое рычание переросло в отрывистый лай. То ли друг с другом переругивались, то ли опасность учуяли. Лай разрастался, и откуда-то издали послышался гневный окрик. На минуту он стих, и в этот момент одного из обитателей подвала начало жестоко рвать. Булькающие звуки разрывали тишину, тело сотрясали конвульсии. Собаки, учуяв это, начали носиться возле смотровой щели, роя землю, чтобы добраться до того, кто нарушил покой их хозяина. И вдруг все замерло. Собаки притихли, перестав даже скулить, обитатели подвала задержали дыхание. И лишь несчастный, обуреваемый рвотными спазмами, не мог остановиться. За железной дверью послышались шаги. Тяжеловесные, гулкие, злоеющие. Дверные петли беззвучно двинулись в сторону, открывая проход, ярко освещенный электрическим светом, и на пороге выросла фигура. Это был крупный мужчина в камуфляжном облачении и в кованых армейских ботинках. В правой руке он держал тяжеловесную дубинку, знакомую каждому из находившихся здесь людей. Помимо каучуковой структуры она обладала зарядом, равным ста двадцати тысячам вольт, чем ее владелец пользовался с превеликим удовольствием. Постукивая дубинкой по свободной ладони, он несколько минут осматривал всех, а потом, медленно выговаривая слова, произнес:

– Кто-то забыл, для чего нужна ночь?

Ему никто не ответил. Несчастные лишь глубже вжались в земляной пол, стараясь стать незаметнее для своего мучителя. Он довольно ухмыльнулся и, вычленив взглядом того, кто минуту назад захлебывался рвотой, коротко скомандовал:

– Ты, выходи! Живо!

Несчастный, совершенно лысый мужчина неопределенного возраста жалобно взмолился:

– Простите, это вышло случайно. Больше не повторится, обещаю!

– Ты меня слышал, – не повышая тона, повторил мужчина.

– Я не виноват. Это все из-за пищи, – теряя самообладание, принялся причитать лысый. – Позвольте мне, я все уберу. Поверьте, ваш сон больше ничто не потревожит!

Движения дубинки ускорились. Мужчина терял терпение.

– Эй ты, тащи его сюда! – ткнув пальцем в соседа лысого, потребовал он.

Им оказался Влад, до этого ругавший Шурика за стоны. Влад подскочил на месте как ужаленный и медленно приблизился к лысому.

– Влад, не надо, – вытянул тот руки вперед, будто этим можно было остановить его.

– Прости, Сухой, таковы правила, – коротко бросил Влад. – Либо ты, либо я.

– Да будь же ты человеком! Ты же знаешь, отчего меня рвет. Почему вы все молчите? – Сухой обвел взглядом помещение, пытаясь найти хоть одного сочувствующего.

Таких было много, но Сухой знал, что заступиться за него перед Бультерьером может только один – Леха, поэтому сосредоточил все свое внимание на нем.

– Леха, ты знаешь, почему так вышло. Скажи ему. Ведь твой друг Шурик тоже умирает. Сегодня он заберет меня, а завтра наступит его очередь.

В это время Влад добрался до Сухого. Тот начал пятиться, пока не уперся в стену, и едва слышно проговорил:

– Не трогай меня, ты, ублюдок!

Но Влад не остановился. Подходя к нему вплотную, он произнес:

– Лучше не сопротивляйся. Все равно конец один, так зачем других топить?

И уже протянул руку, чтобы схватить Сухого и тащить к порогу, как позади зазвучал голос Лехи, причем на удивление твердо и громко. На фоне общего истощения это было особенно удивительно. Казалось, оби-татели подвала ноги едва передвигают, а тут такая сталь в голосе.

– Стой, Влад, не трогай его! – сказал Леха таким тоном, что тот невольно опустил руки. Затем обратился уже к надзирателю: – Вам не стоит забирать его.

Мужчина в камуфляже стоял на пороге, возвышаясь над всеми. Выходка Лехи, казалось, забавляла его. Он принялся покачиваться с носка на пятку, одновременно перебрасывая дубинку из одной ладони в другую, и миролюбиво поинтересовался:

– И по какой же причине я не должен этого делать?

– Он болен, скорее всего это пищевое отравление. В такой ситуации он не может контролировать позывы желудка, поэтому лучше оставить его здесь. Немного воды облегчат боль, об остальном я позабочусь, – тщательно подбирая слова, ответил Леха. – Вам не придется возиться с ним всю ночь.

– Думаешь, я стал бы это делать? – спросил надзиратель. В его голосе Леха уловил надвигающуюся бурю и заговорил быстрее, стараясь высказаться, пока еще не поздно:

– Скорее всего нет, но тогда он умрет. И произойдет это гораздо раньше, чем вы думаете.

– Рано или поздно вы все умрете, – спокойно прокомментировал надзиратель.

– Это верно. Большинство из нас страдают от того же недуга, что и Сухой. День-два, и от нас останется половина. А в случае, если вы не дадите нам достаточного количества воды и антибиотиков, к концу недели здесь можно будет делать одно массовое захоронение.

– Может, ты и диагноз поставил? Так просвети меня, чем таким ужасным вы заболели? Все и сразу. – Движение дубинки прекратилось.

– Я уже сказал: это отравление. Пищевое отравление почти всегда носит массовый характер, – повторил Леха. – Судя по тому, как долго это длится, шансов на то, что болезнь пройдет сама собой, практически нет.

– И ты хочешь их исцелить, – ухмыльнулся надзиратель.

– А заодно избавить вас от проблем. Передайте хозяину: антибиотики нужны срочно. Лучше всего – левомицетин. И побольше воды.

– Значит так, доброхот, – сплюнул на пол надзиратель, – свои поучения и пожелания засунь себе в задницу. Даже если вы все здесь сдохнете в один момент, меня это не огорчит. Думаю, моего хозяина тоже. А вот то, что ты лезешь не в свое дело, может серьезно сократить срок твоей жизни. Я достаточно ясно выразился?

– Послушайте, люди умирают. Если вы ничего не предпримете, через неделю у вас будет полон подвал трупов, – предпринял последнюю попытку Леха.

– Заткнись, падаль! То, что я тебя слушал до сих пор, не означает, что я собираюсь выполнять твои тупые требования. Мне было просто любопытно, как далеко ты зайдешь в своей наглости, – процедил сквозь зубы надзиратель. – Интерес пропал. Теперь ты попросту тратишь мое время. Эй, болезный, шагай сюда!

Последние слова были обращены к Сухому. Тот бросил тоскливый взгляд на Леху и сделал первый шаг.

– Не трогай его, ты, ублюдок! – метнувшись к нему, выпалил Леха, заслоняя Сухого своим телом.

– А ты, я вижу, геройствовать любишь? – усмехнулся надзиратель. – Так попробуй, останови меня.

Леха понимал, что спор проигран, но отступить уже не мог. Он толкнул Сухого назад к стене и медленно двинулся на надзирателя. Тот мгновенно принял бойцовскую стойку. А когда расстояние между ними сократилось до двух шагов, произошло то, что и должно было произойти. Он нажал кнопку, активирующую парализатор, и точным выпадом направил его Лехе в шею. Тело Лехи дернулось от удара. Он рванулся вперед в последней отчаянной попытке добраться до обидчика, но единственное, чего смог добиться, – это рухнуть у его ног. Надзиратель отпихнул голову Лехи мыском ботинка и проскрежетал:

– Хотели, чтобы этот блюющий ублюдок остался с вами? Оставляю его вам. Воды сегодня не ждите. Благодарите этого доброхота. – Он ткнул пальцем в сторону распластанного тела. Потом обвел обитателей подвала долгим злобным взглядом и добавил: – И запомните: для меня вы лишь падаль, которую я терплю только до тех пор, пока это требуется моему боссу. О вас никто не будет плакать, даже если вы все разом отправитесь к праотцам. Вы – ничто! Вас уже нет. А я для вас – царь и бог! Возражения?

Ответом ему было молчание. Густое, безысходное молчание.

– Вот так-то лучше, – подытожил надзиратель. – Советую помнить об этом. И товарищу своему объясните, что к чему. А то он всех вас ненароком под пулю подведет, – и, презрительно сплюнув, повернулся спиной к обессиленным заключенным.

Дверь захлопнулась, погрузив подвал в привычную темноту. Гулкие шаги оповестили о том, что мучитель ушел.

Некоторое время стояла полная тишина. Первым вышел из ступора Влад. Он зло пнул бесчувственное тело Лехи и прошипел:

– Доигрались? Неужели вам мало того, что все мы тут застряли на веки вечные? Зачем, спрашивается, вы его злите?

– А ты предлагаешь терпеть его издевательства?

Влад не понял, кто это выкрикнул, но отреагировал мгновенно:

– Вы еще не поняли, что сопротивление бесполезно? Лично я хочу выжить. Просто выжить, это вам понятно? И я не собираюсь бросаться на амбразуры, как этот недотепа. И ему



больше не позволю. Никому из вас не позволю! Это ясно? Из-за него мы на сутки остались без воды. Долго мы так протянем?

Никто не ответил. Известие о том, что воды не будет, заставило всех призадуматься и по-иному оценить геройский поступок Лехи. Влад принял молчание за одобрение.

– Короче, как только он очнется, мы должны убедить его не ввязываться в споры с Бультерьером, – заключил он. – Надеюсь, вы меня поддержите.

Ответом ему вновь было молчание. Влад вернулся на свое место, распахнул тела товарищей по несчастью и, устраиваясь на земляном полу, произнес напоследок:

– Когда приедет хозяин, мы сдадим ему Леху. Пусть забирает его отсюда, а нам предоставит обычный рацион воды.

После этого в подвале наступила зловещая тишина. Спорить с Владом никто не решился. Леха был хорошим другом, но лишаться из-за него возможности выжить не желал никто.

Старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Лев Иванович Гуров сидел в своем кабинете, пытаясь сосредоточиться на отчетах. Июльская жара отнимала все силы, путая мысли, мешая работе. В этом году она ощущалась особенно жестко. Кондиционеры, призванные облегчить страдания горожан, не справлялись со своими обязанностями, перерабатывая раскаленный воздух. Городской смог превысил все допустимые нормы еще в начале июня. Находиться на улице было просто невыносимо. Люди старались без особой нужды не покидать кондиционируемых помещений, но это слабо спасало.

«Представляю, что сейчас творится в стационарах и клиниках, – ослабляя узел галстука, думал Гуров. – Наверняка у них работы куда больше, чем у меня в отделе. Одних гипертоников, если сосчитать, половина Москвы наберется. Странно, что психи до сих пор не активизировались». Лев сидел над отчетами уже больше часа, но существенно продвинуться так и не сумел. Он уже сожалел о том, что уговорил генерала Орлова отпустить своего напарника, полковника Крячко, в очередной, честно заработанный отпуск. Лишние руки сейчас не помешали бы. Но у его друга и напарника случился очередной роман с одной из свидетельниц по последнему завершённому делу, в котором тот, кстати, серьезно пострадал. Оставить его без отпуска Гуров считал бесчеловечным. Именно поэтому он сам ходатайствовал о награждении товарища путевкой в лучший реабилитационный санаторий МВД. Свидетельница отправилась за Крячко по собственной инициативе. Если, конечно, верить Стасу.

Лев перешел к обработке второй папки, когда поступил сигнал от дежурного. Генерал Орлов срочно требовал Гурова к себе в кабинет. Так как возиться с бумагами было далеко не самым его любимым занятием, он с радостью сложил документы аккуратной стопкой и поспешил к генералу. Верочка, секретарша Орлова, коротко кивнула полковнику и одними губами произнесла:

– Можете проходить без доклада. Генерал ждет вас.

– Спасибо, Верочка, – поблагодарил Лев, исчезая за дверью.

В кабинете Орлов был не один. За столом, напротив генерала, сидел сухощавого телосложения мужчина лет тридцати – тридцати двух и нервно теребил папку, лежащую перед ним.

– Вызывали, товарищ генерал? – официально обратился к Орлову Гуров.

– Вызывал, Лев Иванович, – ответил тот, отрываясь от изучения каких-то бумаг. – Заходи, не стесняйся. Позволь представить тебе нашего коллегу из Краснодарского края. Подполковник Дмитренко Сергей Владимирович.

Сухощавый мужчина вскочил со стула, ухватил руку Гурова и принялся энергично ее трясти:

– Здравствуй, товарищ полковник! Весьма польщен знакомством. Весьма! Наслышан о ваших заслугах перед Отечеством. Впечатлен! И не только я, позвольте заметить.

Гуров бросил удивленный взгляд на Орлова, пытаясь освободиться от навязчивого рукопожатия, но тот, сделав вид, что не понял взгляда полковника, и пряча улыбку, коротко произнес:

– Подполковник Дмитренко – ваш давний поклонник, если можно так выразиться.

– Да, да, товарищ генерал прав. Я давно наблюдаю за вашей работой, и, признаюсь, она впечатляет. Столько сложных дел раскрыто! Это же сродни гениальности. – Подполковник Дмитренко выпустил-таки руку Гурова.

– В этом и заключается наша работа, не так ли? – Чтобы оградить себя от странного посетителя, Лев поспешил занять место на противоположной стороне стола. – Могу поинтересоваться, для чего меня вызвали?

Вопрос был адресован генералу, но ответить поспешил Дмитренко:

– У нас проблема, товарищ полковник. Серьезная проблема. – Он тяжело вздохнул и опустил в кресло. – Боюсь, без вашей помощи нам не обойтись.

– Полковник прибыл из Крымска. Улавливаешь смысл?

Гуров улавливал. Недели не прошло, как страну облетела новость о страшном происшествии в окрестностях города Крымска. Несложно было сложить два и два, чтобы понять цель визита. «А я еще радовался, что удушающая жара не активизировала работу психопатов. Видно, я все же ошибался. Краснодарских психов проняло», – промелькнуло у него в голове. При упоминании родного города подполковник Дмитренко сразу как-то сник. Он опустил голову и вновь принялся теревить папку, лежащую перед ним.

– Требуется наша помощь? – только и спросил Гуров.

– Здравомыслие, полковник, – заметил генерал. – Дело зашло в тупик. В верхах приняли решение откомандировать от нашего управления человека в помощь подполковнику.

– И этим человеком вы видите меня, – заключил Гуров.

– Вы возражаете? – встрепенулся Дмитренко. – Не стоит рубить сплеча. Выслушайте для начала подробности, которые не вошли в отчеты.

– Я не в том положении, чтобы выдвигать возражения, – слегка улыбнулся Лев.

– Правильно мыслишь, Лев Иванович, – подтвердил Орлов. – Положение серьезное. Речь идет не о случайной жертве и не об уличном грабеже. Четыре трупа – это тебе не фунт изюма.

– Вы не спешите отказываться, – активизировался подполковник Дмитренко. – Вас это дело наверняка заинтересует. Вот, прочтите. Это подробный отчет: все детали, нюансы, улики и факты.

Он придвинул Гурову папку. Тот накрыл ее ладонью и мягко произнес:

– Лучше один раз услышать, чем сто прочесть. Расскажите сами.

– Хорошо, я готов, – тут же согласился Дмитренко. – Ситуация следующая: семь дней назад в одном из подведомственных мне районов было обнаружено свежее захоронение. Да, да, вы не ослышались, именно захоронение. В заброшенном карьере обнаружены тела четырех мужчин. Состояние тел настолько удручающее, что, будь у нас в стране специальная организация, анализирующая степень жестокости преступлений, это преступление получило бы высший балл!

– Нельзя ли без патетики? – невольно поморщился Лев. – Лично для меня любое преступление против человека является бесчеловечным априори.

– Простите, я, видимо, неверно выразился, – смутился Дмитренко. – Просто я на этой должности не так давно, и масштаб трагедии для меня не совсем привычен.

– Лева, держи себя в руках, – сухо заметил Орлов. – Человек приехал к нам издалека для того, чтобы получить помощь, а не выслушивать нравоучения.

– Простите, товарищ генерал, вырвалось, – скорее для соблюдения протокола, нежели для облегчения терзаний коллеги, извинился Гуров.

Дмитренко ему не понравился. Объяснить причину Гуров не смог бы даже под дулом пистолета. Не понравился, и все тут. Но работа его подразумевала контакты не только с теми, кому полковник благоволил, поэтому приходилось постоянно держать себя в рамках.

– Так что же произошло в Крымском районе? Я имею в виду детали, – обратился он к Дмитренко.

– Трупы четырех мужчин. Крайняя степень истощения. Их морили голодом, это бесспорно. Довели до смерти, а потом избавились, сбросили в карьер. – На этот раз Дмитренко в своих высказываниях был намного осторожнее, стараясь придерживаться только фактов. – Свидетелей того, как и когда это произошло, нет. Опознать тела не удалось до сих пор. И никаких зацепок для продолжения расследования. Оно зашло в тупик.

– Если мне будет позволено, я бы хотел услышать подробности. Все, что вы мне сообщили, было в прессе, – сухо заметил Гуров.

– Хотите подробностей? Пожалуйста! – Льву показалось, что Дмитренко разозлился. – Тела покойных доведены до такой степени истощения, что и вообразить трудно. Как будто только что из Освенцима. Вес их не превышал пятидесяти килограммов, и это при росте в сто восемьдесят сантиметров! Естественно, никаких документов при них не было. Одежды тоже. Опознать жертвы практически невозможно.

– А отпечатки пальцев? Это ведь мужчины. Кто-то из них может числиться в базе МВД. Работа в органах, служба в армии, судимость, наконец.

– Взять отпечатки не представляется возможным, – механическим голосом доложил Дмитренко. – У трупов отсутствуют пальцы.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Пальцы рук убитых отрублены острым предметом, предположительно топором. Аккуратно так, знаете ли. Под корень.

– Можно попытаться идентифицировать личности убитых, пустив трансляцию их фото по телевидению, – неуверенно предложил Гуров.

– Это исключено! – отрезал Дмитренко и более мягким тоном добавил: – Я пытался добиться разрешения на это, но везде получил отказ. Зрелище сочли чересчур жестоким и негуманным как по отношению к погибшим, так и по отношению к их возможным родственникам. И я с этим полностью согласен.

– Все настолько плохо?

– Да, все настолько плохо, товарищ полковник. Будь иначе, я бы не сидел сейчас перед вами и не краснел, как институтка во время провального экзамена, – глядя в глаза Гурову, ответил Дмитренко.

– Какие имеются версии? – перевел разговор Лев.

– А никаких версий не имеется, – развел руками подполковник. – В этом заключается главная проблема. Версии отсутствуют.

– Будь у них что-то конкретное, стали бы они обращаться за помощью к нам? – резонно заметил генерал. – Выдвигать предположения предстоит тебе, Лев Иванович.

– Это я уже понял, – вздохнул Гуров и спросил: – Сколько у меня времени на сборы?

– Максимум час, – заявил Орлов. – Товарищ Дмитренко на машине. Он подвезет тебя до дома, подождет, пока ты соберешься, и в путь. Полковник Крячко присоединится чуть позже. Планирую отозвать его из отпуска. Хватит прохлаждаться. Да и тебе помощь не помешает.

– Товарищ генерал, позвольте для начала осмотреться на месте, – вступился за напарника Гуров. – В случае, если потребуется помощь Крячко, я сам его вызову. Вы ведь понимаете, как ему нужен серьезный курс реабилитации.

– Знаю я его реабилитацию, – проворчал Орлов, но настаивать не стал. – Ладно, решай сам. Справишься без Крячко – так и быть, пусть гуляет.

– Разрешите идти, товарищ генерал? – опасаясь, как бы тот не передумал, заспешил Гуров.

– Идите, – кивнул Орлов. – И держите меня в курсе. О командировочных я позабочусь лично, не стоит тратить драгоценное время на бюрократические проволочки.

– Благодарю вас, товарищ генерал. Ваша помощь в этом деле неоценима, – начал Дмитренко. – А то, что вы выделили лучшего из своих сотрудников, вообще не знает границ вашей щедрости.

Пришла очередь недоумевать генералу. Он обменялся с Гуровым понимающим взглядом и выпроводил посетителей из кабинета. Выйдя в коридор, Гуров сразу последовал к выходу. Подполковник Дмитренко семенил за ним. Некоторое время он шел молча, но, когда они миновали пост дежурного, не выдержал и выдал:

– Кажется, я вам не нравлюсь.

– Это имеет какое-то значение? – сухо осведомился Гуров.

– Огромное! Нам с вами предстоит работать бок о бок какое-то время. Думаю, было бы легче, если бы вы сразу высказали все свои недовольства.

– Уверю вас, мое отношение лично к вам на качестве моей работы никак не скажется, – заметил Лев.

– И все же я настаиваю, – с горячностью произнес Дмитренко. – Чем я вам не угодил? Ответьте!

Гуров остановился, развернулся лицом к подполковнику и с присущей ему прямоотой выложил:

– Терпеть не могу людей, которые при первой встрече выражают свое безмерное восхищение работой коллег. Мне кажется это неискренним.

– Вы никогда не оцениваете работу коллег? – Казалось, Дмитренко был удивлен.

– Отчего же, оцениваю. И довольно часто. Только вот я не из тех, кто бросается коллегам на шею с желанием излить на них свое восхищение. И уж тем более я не стал бы делать этого при начальстве.

– Ну простите. Я смотрю на это несколько иначе, – расстроился подполковник. – Не думал, что мое искреннее восхищение вашими заслугами встанет между нами. Я думал, это облегчит процесс сближения.

– Вы ошиблись, – коротко ответил Гуров.

– Учту на будущее, – пообещал Дмитренко. – Моя машина вон там, – указал он на внедорожник, припаркованный на стоянке.

Гуров последовал к машине. Дмитренко обогнал его, открыл дверцу возле пассажирского сиденья, поймал скептический взгляд Гурова и снова ее закрыл. Обойдя машину, занял водительское кресло, ожидая, пока Гуров определится, куда же ему садиться: рядом с водителем или на заднее сиденье. Лев колебался лишь секунду. Открыв дверцу, которую минуту назад открывал для него Дмитренко, он заглянул в салон и спросил:

– Вы вообще-то Москву знаете?

– Подскажете дорогу – довезу в любую точку, – пообещал Дмитренко. – Я хороший водитель, если вы об этом.

Спорить Гуров не стал. Сев впереди рядом с подполковником, он скомандовал:

– Сейчас прямо до второго перекрестка. Выйдем на главную, там порядка двадцати километров прямо, потом покажу.

Дмитренко тронулся, не задавая дополнительных вопросов. Водитель он был действительно неплохой. Ловко маневрировал в густом столичном потоке, вовремя реагировал на подсказки Гурова. В итоге дорога до дома полковника заняла ничуть не больше времени, чем если бы за рулем ехал сам Гуров. Когда Дмитренко припарковался возле подъезда, Лев предложил

подняться в квартиру. Дмитренко отказался, заявив, что без его участия полковник гораздо быстрее справится со сборами.

Супруга Гурова, Мария, оказалась дома, чему полковник был несказанно рад. Услышав, как открывается входная дверь, она выскочила ему навстречу:

– Дорогой, что-то случилось?

– Почему ты так решила?

– Как это почему? Рабочий день в самом разгаре, а ты явился домой. Это ли не повод волноваться?

– Ты, как всегда, права. Я забежал всего на минуту. Поможешь собрать вещи? – целуя жену в щеку, спросил Лев.

– Вещи? Ты уезжаешь? – отстраняясь от мужа, нахмурилась Мария.

– Работа, дорогая, – пожал он плечами. – Срочная командировка. Так как насчет вещей?

– Что за командировка? – спросила Мария, направляясь в сторону спальни, где тут же захлопали дверцы шкафа. – Новое дело?

– Новое дело, – подтвердил Гуров, присоединяясь к жене. – Предвосхищая новые вопросы, отвечаю сразу: еду в Краснодарский край. Как долго там пробуду, сказать затрудняюсь. Дело сложное, к тому же я без своего верного помощника. Но, как всегда, я буду на связи.

– Стас с тобой не едет? – Мария остановилась на полпути к выставленному в центре комнаты чемодану.

– Ты же знаешь, он в санатории, – напомнил Лев. – Не стану же я лишать человека законной возможности поправить здоровье только из-за того, что чувствовал бы себя более комфортно, если бы он ехал со мной?

– Так-то оно так, но одному ехать в незнакомый город... – протянула Мария. – Не слишком ли это самоуверенно с твоей стороны?

– Генерал одобрил, – коротко ответил Гуров.

– Ну раз сам генерал одобрил, – улыбаясь, произнесла Мария, – значит, ты справишься. Билеты уже заказал?

– Я на машине.

– Понятно. Будь осторожен за рулем, – предостерегла Мария.

– За рулем буду не я. Подполковник Дмитренко приехал лично, чтобы забрать меня. Такой вот почет.

– Слышу нотки скепсиса в твоём голосе. – Мария внимательно взглядела в лицо мужа: – Тебя что-то беспокоит?

– С чего ты взяла? – делано удивился Гуров.

– По твоему тону, – ответила Мария. – Что за человек этот твой подполковник Дмитренко?

– Пока не знаю, – честно признался Лев. – И он мне не нравится, как ты успела заметить. Станный он какой-то.

– В чем выражается его странность?

– Подхалимом его не назовешь. Но что-то в его поведении настораживает. – И Гуров рассказал о своем впечатлении от первых минут встречи с Дмитренко.

– Мне кажется, ты нафантазировал себе того, чего нет, – отрезала Мария. – Если человек искренне восхищается твоими достижениями, это еще не ставит его в одну шеренгу с подхалимами. К тому же ты сам сказал, парень молодой, горячий. Так отчего же ему не восхищаться более опытным коллегой? Право, Лева, ты все преувеличил.

– Хорошо, если так, – целуя жену в висок, произнес Гуров. – Давай продолжим сборы, иначе подполковнику ни за что не увидеть работу легендарного Гурова в действии.

Через десять минут чемодан был готов. Он попрощался с женой, спустился во двор и, сев в машину, дал приказ к отправлению.

## Глава 2

В своей родной вотчине подполковник Дмитренко чувствовал себя намного увереннее. И поведение его стало более соответствовать занимаемой должности, чего Гуров не мог не отметить. Как только они прибыли в районный отдел города Крымска, Дмитренко сразу начал действовать довольно энергично. Затребовал дело, над которым предстояло работать Гурову. Разнес в пух и прах нерасторопных сотрудников, расслабившихся за время его отсутствия. Откомандировал кого-то из подчиненных с приказом организовать отдельный кабинет для приезжего полковника. Даже голос у него изменился. В нем уже не слышалось бывшего рабочего.

– Сегодня нам предстоит выехать на место, где были обнаружены тела, – заявил он Гурову, как только они оказались в кабинете Дмитренко. – Отдохнуть с дороги не предлагаю, и так слишком много времени упущено. Возражений нет?

– Никак нет, – сдерживая улыбку, ответил Лев. – Далеко это?

– По местным меркам – близко. В моем подчинении находится порядка одиннадцати населенных пунктов. В один из них мы и направимся. Там заправляет майор Уланов. Я встречался с ним всего пару раз, но прежний начальник отзывался о нем как о перспективном сотруднике. Осмотрим место происшествия, побеседуем с Улановым, потом обратно в Крымск. Жить вам лучше здесь. Какая-никакая, а все-таки цивилизация.

– Намекаете на то, что в поселке Уланова все еще неандертальский период? – пошутил Гуров, но Дмитренко отнесся к его высказыванию серьезно.

– Там цивилизация ограничивается сотовой связью, – заметил он. – Гостиниц нет, мест для семейного отдыха нет, ресторанов и баров тоже.

– Жаль. Так хотелось побывать в местном баре. Набраться колорита, так сказать, – продолжал шутить Лев.

– Сомневаюсь, что у вас будет на это время. – сухо произнес Дмитренко, приняв его слова за чистую монету. – Мое начальство не менее требовательное, чем у вас в столице. На развлечения рассчитывать вы вряд ли можете.

Поняв, что с Дмитренко шутить не стоит, Гуров, сразу приняв серьезный вид, спросил:

– Когда я смогу ознакомиться со всеми обстоятельствами дела? Хотелось бы успеть сделать это до того, как вы повезете меня в поселок к Уланову.

Дмитренко выдвинул верхний ящик стола, достал увесистую папку и перебрал ее Гурову:

– Вот все, что удалось собрать. Сколько времени вам потребуется на изучение?

– Час, – коротко ответил Лев, погружаясь в материалы дела.

– Организую вам чего-нибудь поесть, – сказал Дмитренко и вышел из кабинета.

Гуров остался один, но даже не заметил этого. Содержимое папки поглотило его целиком. Изучая подробности дела, он делал пометки в своем блокноте. Оказалось, что причиной смерти четырех мужчин, найденных в заброшенном карьере, признано не общее истощение, а токсикоинфекция, попросту – пищевое отравление. На фоне общего недомогания этот факт являлся скорее закономерным, чем странным. Читая подробный отчет патологоанатома, Гуров пришел к выводу, что людей отравили ненамеренно. Будь иначе, способ отравления был бы куда более явным. А так можно сказать, что организм людей, ослабленный хроническим недоеданием, не справился с банальным пищевым отравлением.

Его особо заинтересовал тот факт, что у всех найденных трупов отсутствовали пальцы. Вот это человек, виновный в смерти четверых людей, сделал уже намеренно. Самый простой вывод – он хотел отсрочить время их опознания. Но почему? Почему он был уверен в том, что, будь у следователя отпечатки пальцев пострадавших, их сразу идентифицировали бы? Времени

на размышление над этим вопросом у него не было, поэтому он просто вписал данный факт в блокнот и продолжил изучение материала.

В деле было сказано, что трупы обнаружил местный житель, который занимается разведением сторожевой породы собак. В тот день он выгуливал свору из шести псов, и выбор места выгула был совершенно произвольным. Сначала он гнал собак по определенному маршруту, но в какой-то момент ситуация изменилась. По его словам, собаки точно с цепи сорвались. Они помчались в направлении карьера, расположенного в двух километрах от места жительства собачника, и остановить их он никак не мог, из-за чего был вынужден следовать за ними. Попав в карьер, собаки подняли неистовый лай, уводя хозяина все дальше от дороги. Когда они принялись рыть в карьере песок, хозяин заподозрил неладное. А когда на поверхности показалась первая конечность одного из трупов, достал телефон и вызвал полицию.

И это Гуров взял на заметку, отметив, что собачника нужно опросить повторно. С какого момента он потерял управление над собаками? Где именно это произошло и что этому предшествовало? Ему это казалось очень важным. В деле данный факт был освещен довольно скупо. Никому из местных оперов не пришло в голову обследовать место, заставившее собак изменить направление, заданное хозяином.

Сам карьер был осмотрен довольно тщательно. И описание осмотра говорило само за себя. Следов работы спецтехники в месте захоронения трупов обнаружено не было, из чего следователь, ведущий дело, сделал вполне закономерный вывод: трупы хоронили старинным дедовским методом, вырыв яму лопатой. Или лопатами, в том случае, если работал не один человек. Для четверых яма должна была быть внушительных размеров. Тем не менее к помощи техники убийца или убийцы прибегнуть не решились. Побоялись привлечь внимание? Скорее всего.

Когда обнаружилось, что у трупов отсутствуют пальцы, опера перерыли весь карьер, надеясь найти недостающие части тел где-то поблизости, но их чаяния не оправдались. Стоит ли продолжить поиски, чтобы заполучить недостающие части тел? Гуров в этом сомневался. Если они где-то и существуют, то уж никак не в карьере. Не для того их удаляли.

Вернулся Дмитренко, неся в одной руке бумажный пакет, а в другой пластиковую бутылку с красочной этикеткой. Он выставил все это перед Гуровым и заявил:

– Пришло время перекусить. Я взял на свой вкус. Надеюсь, вы ничего не имеете против кефира и гамбургеров? У нас в отделе столовой нет. Местные привыкли столоваться дома или брать еду с собой. А в магазине напротив, кроме гамбургеров, ничего нет.

– Благодарю, я не голоден, – отказался Лев.

– Отказа не принимаю. Вечером организую вам горячую пищу, а сейчас подкрепитесь тем, что удалось достать, – категорично потребовал Дмитренко.

Сталь в его голосе, особенно после бывшего раболепия, позабавила Гурова. Он не стал усугублять ситуацию, комментируя изменения, произошедшие за последний час в подполковнике. Вместо этого достал из бумажного пакета хрустящую булку и, откусив кусок, похвалил:

– Неплохо.

– Не хуже, чем в столице, – польщенный похвалой, обрадовался подполковник. – И гарантированно, что не из Бобика.

– Не понял? – откусывая второй кусок, переспросил Лев.

– Я в том смысле, что мясо говяжье. У нас тут с этим строго, – ответил Дмитренко и пояснил: – Говорят, у вас в столице уличную еду брать рискованно. Кто знает, какого Бобика или Барбоса забили, чтобы сделать гамбургер.

Гуров отложил булку в сторону, перевел удивленный взгляд на Дмитренко и неожиданно для себя громко рассмеялся:

– Ах, вот вы о чем! Ну, спасибо, так меня еще нигде не потчевали. Надо же такое придумать: мясо Бобика! Обещаю, когда вы приедете в Москву в следующий раз, я проведу вас по

всем столичным забегаловкам и позволю взять мясо на пробу. Если вам удастся доказать, что хоть в одной забегаловке используют в качестве начинки мясо Бобика или Барбоса, я обязуюсь отдать вам месячное жалованье, – сдерживая очередной приступ смеха, пообещал он.

Дмитренко не обиделся. Он широко улыбнулся и проговорил:

– Рад, что это всего лишь слухи. Как обстоят дела с изучением материалов, которые я вам предоставил? Есть под-вижки?

– Вопросы точно есть, но, прежде чем их задавать, мне бы хотелось взглянуть на место захоронения лично. Вы не возражаете?

– Напротив. Это и мое желание. Вы готовы к выезду?

– Уже готов, – кивнул Лев.

– Тогда пойдете. В Крымске я передвигаюсь не на личном автомобиле, поэтому мы везде будем ездить с водителем. Вы не против?

– Нисколько.

Через полчаса Лев уже расхаживал по дну заброшенного карьера. Подполковник Дмитренко следовал за ним как привязанный, задавая вопросы каждые десять секунд.

– Что вы думаете об этом участке? Вам не кажется, что следы преступников могли бы остаться на песке? Вероятнее всего, здесь действовали лопатами? Как считаете, сколько человек участвовало в акте захоронения? Что вас заинтересовало в этом комке глины? А в углублении не могло быть каких-то посторонних предметов? – И дальше в том же духе.

К концу осмотра Гуров был уже настолько утомлен присутствием подполковника, что звонок на его сотовый, оповестивший о том, что тому срочно велено явиться к вышестоящему начальству, воспринял с облегчением.

– Простите, что поторапливаю, но мне срочно нужно вернуться в город, – немного смущенно проговорил Дмитренко. – Начальство требует. Как думаете, сколько времени вам понадобится, чтобы завершить осмотр?

– Я уже закончил, – объявил Гуров. – Если сможете подбросить меня до населенного пункта, где живет свидетель, обнаруживший трупы, я буду весьма признателен. Там ваша помощь мне не потребуется, и вы сможете с чистой совестью отправиться к начальству.

– Это как раз по пути, – воодушевился Дмитренко. – Только как же вы доберетесь до города? Боюсь, не смогу оставить вам машину.

– Об этом не беспокойтесь, – заверил Гуров. – Мне, главное, туда доехать, а уж до города я доберусь.

– У нас здесь с такси туговато, – осторожно предупредил Дмитренко. – Не забывайте, это ведь не столица.

– Я помню. – Гурова снова начала раздражать его манера общения. – В случае чего, номер вашего телефона у меня есть. Позвоню.

– Точно, и как это я сам не сообразил? – смутился подполковник. – Звоните, я вышлю за вами водителя.

На этом спор о способах возвращения полковника закончился. Снабдив точным адресом, Гурова высадили в поселке, где проживал собачник, и он отправился на поиски нужного дома. Найти его труда не составило. Первый же житель, встретившийся на пути, охотно указал, куда следует идти.

Из-за высокого зеленого забора с номером «четыре» на калитке слышался неистовый собачий лай. Лев приподнялся на носки, заглядывая поверх забора. На крыльце сидел энергичного вида мужчина лет под сорок. Вокруг него резвились собаки разного возраста и пород. Мужчина был настолько увлечен игрой со своими питомцами, что не обратил никакого внимания на окрик Гурова. Только с третьего или четвертого раза тому удалось докричаться, да и то только благодаря тому, что на крик среагировали собаки.



– Добрый день. Я разыскиваю Анатолия Сотонкина, – прокричал Гуров, когда внимание хозяина переключилось на него. – Надеюсь, я попал по адресу?

– Ну я Сотонкин. В чем дело? – настороженно спросил мужчина.

– Не могли бы мы побеседовать?

– О чем? – поднимаясь с крыльца, поинтересовался Сотонкин.

– Это ведь вы обнаружили тела в карьере? – приближаясь к забору, спросил Лев.

– Тела обнаружил я, только все, что мог, я сообщил следователю. А с журналистами мне общаться было не рекомендовано.

– Вот как? Очень любопытно, – улыбнулся Гуров. – А с другими сотрудниками правоохранительных органов вам общаться позволено?

Сказав это, он вынул удостоверение и поднял его в вытянутой вверх руке. Сотонкин громко свистнул, и вся свора дружно скрылась в сарае. Как только двор опустел, Гуров толкнул калитку, прошел по утоптанной дорожке и уселся на крыльце. Закрыв дверь сарая на щеколду, туда же подошел и Сотонкин.

– Анатолий, – протягивая руку, представился он.

– Полковник Гуров Лев Иванович. Московский уголовный розыск, – в свою очередь, представился полковник.

– Ого, как далеко забрались! Столичные шишки у нас редкость. – Сотонкин с любопытством рассматривал гостя. – Проездом или целенаправленно к нам?

– Командировка, – коротко ответил Лев.

– Выходит, не удовлетворили нашего следователя мои ответы? – поинтересовался Сотонкин. – Новые факты открылись или от безысходности по второму кругу пошли?

– Вы правы, мы пошли на второй круг лишь потому, что новых обстоятельств дела найти не удастся, – заявил Гуров, удивляясь его проницательности. – А сделать так, чтобы эти мерзавцы ответили за свои злодеяния, просто необходимо. Нельзя допустить, чтобы они и впредь творили подобное бесчинство. Вы со мной согласны?

– Кто с этим станет спорить? – пожал плечами Сотонкин.

– Значит, вы готовы помочь?

– Я-то готов, только разве от меня что-нибудь зависит? Раз вы, полицейские, за неделю ничего не смогли прояснить, мне-то куда соваться?

– А вы представьте, что до этого ни с одним человеком о том дне не разговаривали. Будто это только сегодня произошло и я – первый оперативник, кому вам предстоит выложить неприятную новость, – предложил Гуров. – Как думаете, справитесь?

– Попробую, – ответил Сотонкин. – Вопросы будете задавать?

– Вы начните, а там разберемся, – кивнул Лев и замолчал, давая возможность Сотонкину сосредоточиться.

Тот пару минут собирался с мыслями, а потом поведал всю историю от начала до конца. Гурову практически не пришлось направлять его в нужное русло, так складно и подробно он говорил.

В день, когда были обнаружены тела мужчин, Сотонкин встал рано. Он хотел освободиться до десяти, так как имел на день грандиозные планы. Его соседка, женщина весьма покладистая, пригласила его совершить совместную прогулку в Крымск. У Сотонкина личного транспорта не было, а список необходимых покупок, которые можно было сделать только в городе, рос день ото дня, поэтому предложение автомобилистки со стажем было вдвойне кстати. К тому же Сотонкин надеялся, что их поездка не ограничится официальным посещением рынка. В городе Крымске, вдали от осуждающих взглядов односельчан, незамужняя соседка могла себе позволить урвать кусочек женского счастья. Одним словом, Сотонкин намеревался прикупить кучу полезных вещей и закрутить с ней небольшой романчик.

Оставить собак без выгула он не мог. В конце концов, они его кормили в самом прямом смысле этого слова. За одного щенка Сотонкин выручал такие деньги, что хватало на целый месяц. Разведением собак он занимался на протяжении последних восьми лет. Поначалу, когда только еще начинал коммерческую деятельность, сменив слесарный инструмент на алюминиевые миски с кормом для собак, было худо. Денег постоянно не хватало. Но потом все изменилось, и дела его шли все лучше и лучше. Теперь Анатолий причислял себя к разряду завидных женихов и предложению соседки ничуть не удивился.

Вот почему в тот злополучный день он оказался на дороге, идущей вдоль карьера. Поначалу все шло как обычно. Легкой рысцой Сотонкин двигался вдоль трассы, пустующей в это время суток. Он намеревался прогнать свору до рощицы, после чего вернуться тем же путем домой, рассчитав время так, чтобы успеть вернуться домой до того, как соседка выгонит машину со двора. Она заранее предупредила, что он должен ждать ее на трассе, следовательно, нужно было успеть обернуться вовремя. И все бы у Сотонкина сложилось, если бы не эти трупы. На полпути к рощице его бульдог, самый перспективный производитель, резко забеспокоился. За ним признаки беспокойства начали выказывать и другие псы. Сотонкин свистнул пару раз, призывая их к порядку. Обычно этого было достаточно, но только не в тот день. Собаки вдруг ни с того ни с сего свернули с дороги и помчались по направлению к карьеру. Пришлось срываться с места и бежать за ними вдогонку.

Когда Сотонкин спустился в карьер, овчарки уже рыли землю мощными лапами. Он разозлился, достал прочный брезентовый поводок, рассчитанный сразу на несколько собак, и начал свистеть, призывая их к себе. В тот момент, когда Сотонкин наклонился над одной из овчарок, она жалобно завyla и попятилась назад, и перед его взором открылась вырытая овчаркой яма. Из ямы торчал клочок выцветшей коричневой робы, а за этим клочком – голая ступня. И принадлежала она не кому-нибудь, а человеку. Поскольку других частей тела видно не было, Сотонкин резонно предположил, что в земле зарыт труп. Он начал отступать, не переставая подзывать собак. Но тут бульдог неожиданно стал яростно рыть землю. Остановить его у Сотонкина сил уже не было. Он случайно бросил взгляд в ту сторону, где скулила другая овчарка. В этот момент она как раз обнюхивала торчащую из-под земли голову. Судя по расположению, принадлежать одному и тому же человеку ступня и голова никак не могли. Вот тогда Сотонкин понял, что романтическое свидание сорвано окончательно. Он вынул сотовый телефон и набрал номер полиции.

На вопрос Гурова, отчего собаки сошли с маршрута, Сотонкин смог сделать лишь одно предположение – сильно развитое обоняние дало возможность учуять запах смерти. Лев же думал несколько иначе. Он не оспаривал тот факт, что трупы собаки учуяли. Но почему? Неужели возможно, что запах зарытых под землей тел распространился до дороги, до которой было не меньше двухсот метров? Будь у Сотонкина в обучении кабаны, он бы еще поверил. Это кабаны могут учуять неподвижно стоящего человека с расстояния в пятьсот метров, но чтобы на нечто подобное были способны собаки, пусть и породистые, в этом он сильно сомневался.

Сомневался и потому сделал другой вывод: что-то на самой дороге привлекло внимание собак. Гуров сложил два и два и получил законные четыре. Из отчета он знал, что тела мужчин привезли в карьер уже мертвыми, следовательно, на чем-то их туда доставили. Какой бы вид транспорта ни выбрали убийцы, миновать дорогу они не могли. Свои предположения он озвучил Сотонкину, и тот, подумав долю секунды, тут же с ним согласился. Он вспомнил, что перед тем, как рвануть в карьер, собаки долго принюхивались к дороге.

Гуров предложил Сотонкину прогуляться до того места, где собаки впервые проявили беспокойство, а также прихватить с собой бульдога как самого активного представителя своры. Он надеялся, что ему удастся взять след. Надежда была очень слабой, к тому же Сотонкин буквально вырвал последнюю ниточку надежды из его рук, когда объявил, что за последнюю неделю в районе два раза шли сильные дожди. И все же один, хоть и маленький, шанс оставался.

На сборы у Сотонкина ушло минут пять от силы. Прихватив бульдога, он затрусил по дороге, выводя Гурова из поселка. Когда последние дома остались далеко позади, Анатолий начал присматриваться к окрестностям, стараясь как можно точнее определить нужное место. Они с бульдогом то убегали вперед, то возвращались назад, то замирали на месте, то бросались из стороны в сторону. Наконец метания закончились.

– Вот оно, это место! – радостно закричал Сотонкин. – Вот! Здесь Атро начал глухо рычать. Я шумнул на него, он притих. А чуть дальше забеспокоился и Стек. Это овчарки мои.

– Как думаете, бульдог сможет взять след, если мы спустимся в карьер, а потом приведем его обратно? – спросил Гуров.

– Гай? Кто его знает.

– Не хотите попробовать?

– Можно попытаться, – согласился Сотонкин. Ему уже самому стало интересно, чем закончится их эксперимент.

Яма, из которой были извлечены тела, выделялась на фоне коричневого карьерного песка яркой предупредительной лентой. Табличка, сообщающая, что яма является местом преступления, была до сих пор не снята. Сотонкин лишь на мгновение остановился, чтобы получить молчаливое одобрение своим действиям, и нырнул под ленту, увлекаемый бульдогом. Там он начал кружить по периметру, заставляя пса нюхать все подряд. Тот, приняв поведение хозяина за новую игру, веселился вовсю. Тыкался носом в земляные комья, пытался ухватить их клыками, потом рвался с поводка, делая вид, что напал на след, а когда Сотонкин готов был выскочить из ямы, бросался обратно, и все повторялось.

Но вот бульдог и правда что-то почуял. Он резко замер, нюхая воздух, потом осторожно двинулся к северной части ямы. Анатолий следовал за ним, ослабив поводок на максимально возможную длину. Бульдог понюхал землю и начал рыть. Сначала медленно, будто неуверенно, потом все быстрее и быстрее. Мужчины стояли рядом, наблюдая за работой пса. Спустя совсем короткое время бульдог, победно залааяв, подскочил к Сотонкину, ухватил штанину клыками и потянул. Сотонкин понял, что пес желает похвалиться находкой. Сделав шаг вперед, он наклонился, но Гуров его опередил. Отстранив собачника, он извлек из земли какой-то предмет. Это была металлическая пластина с выбитой на ней надписью. Обычно такими снабжают фирменные товары: джинсовую и кожаную одежду, обувь, аксессуары. Ржавчины видно не было, поэтому предположить, что лежит она здесь с незапамятных времен, было бы неверно. Гуров догадывался, что пластина принадлежит человеку, который несколько дней назад закопал тут трупы.

Он ткнул пластину под нос бульдога, и пес недовольно попятился.

– Не станет он вас слушаться, – прокомментировал Сотонкин. – Давайте сюда, попытаюсь уговорить.

Лев передал находку Сотонкину. Тот сначала что-то прошептал на ухо бульдогу, потом дал ему понюхать пластину и скомандовал:

– Ищи, Гай, ищи!

Бульдог даже землю нюхать не стал, сразу рванул к дороге. Сотонкин и Гуров не отставали. Выскочив на асфальт, пес закрутился на месте, как юла. С обочины его подбадривал хозяин:

– Давай, Гай, ищи! Надо товарищу помочь. Постарайся, родной!

Но тот вдруг резко потерял интерес к поискам и принялся обнюхивать какой-то камень. Потом неспешно перебрался ближе к хозяину и вознамерился улечься возле его ног.

– Послушай, что это ты вытворяешь? – расстроился Сотонкин. – Тебе такое дело доверили. Можно сказать, честь оказали, а ты хозяина позоришь? Поднимайся, бездельник! Ищи, слышишь ты меня? Ищи!

Гуров немного подождал, но, поняв, что продолжения не последует, решил избавить Анатолия от бесполезных усилий и попросил:

– Не могли бы вы теперь просто постоять в сторонке? Информации мне на данный момент достаточно. Хотелось бы осмотреться.

Сотонкин послушно ретировался, а Лев принялся ходить вдоль обочины, надеясь найти какую-нибудь зацепку: клочок бумаги, выброшенный из открытого окна проезжающего автомобиля, использованный спичечный коробок или, еще лучше, зажигалку, которые были бы доказательством того, что трупы привезли этой дорогой. В своих поисках он ушел довольно далеко. Сотонкин заволновался, поднял бульдога и кинулся вдогонку за Гуровым. А тот продолжал обследовать придорожные канавы, кусты и посадки. Почему-то ему казалось, что непременно нужно отыскать следы машины.

Увы, сколько Гуров ни ходил, ничего нового обнаружить ему не удавалось. Спустя час он сдался и, дав отмашку Сотонкину, побрел в поселок. По дороге Гуров решил вызвать обещанную Дмитренко машину, но, достав мобильник, с удивлением посмотрел на шкалу мощности связи. Она отсутствовала полностью, ни одного деления. И все же он набрал номер, надеясь, что какие-то остатки связи позволят дозвониться до Дмитренко.

– Пустая затея, – наблюдая за ним, сообщил Сотонкин. – У нас только у почты ловит, да и то через раз.

– А как же вы, обнаружив трупы, сумели дозвониться до полиции? – резонно заметил Гуров.

– Понятия не имею. Может, от страха? – засмеялся Сотонкин.

– Мне казалось, связь сейчас везде, – пояснил Гуров, пряча телефон в карман. – А что, Анатолий, есть у вас в деревне счастливые обладатели транспортных средств, которые не отказались бы подзаработать?

– Вы без колес? – догадался Сотонкин. – Как же вы сюда добрались?

– Начальник местный подбросил. Обещал машину за мной выслать, да сами видите, связи нет, теперь не дозвониться, – объяснил Лев. – Поможете с машиной?

– Соседка моя не подойдет? – с надеждой в голосе спросил Анатолий. – Я мог бы с ней переговорить и даже лично вас до города сопроводить.

Хитрые огоньки, заплывавшие в его глазах, не оставляли сомнений в том, какую цель он преследует, делая подобное предложение.

– Торопитесь наверстать упущенное? – усмехнувшись, пошутил Гуров.

– Вы о чем? – невинно заморгал Сотонкин, но покрасневшие уши его выдали.

– О помощи следствию, – сквозь смех проговорил Лев.

– Так вы об этом, – рассмеялся вслед за ним Сотонкин. – Ну да, помощь следствию – мое главное хобби. В прошлый раз сорвалось, теперь, глядишь, и обломится. Значит, вы согласны? Я к Татьяне?

– Согласен. Мне, главное, побыстрее до Крымска добраться, – не стал возражать Гуров.

– Я мигом. Одна нога здесь, другая там, – заторопился Анатолий. – Только Гая в сарае запру.

Дожидаясь, пока Сотонкин договорится с соседкой о поездке, Гуров принялся изучать находку. Это была обычная пластина длиной в полтора сантиметра, шириной не больше пяти миллиметров. Заклепки с двух концов говорили о том, что когда-то она была припаяна к некоей поверхности. Буквы почти стерлись. Напрягая зрение, он смог разобрать надпись. Название ему ни о чем не говорило, и Лев решил, что, как только окажется в зоне покрытия сотовой связи, сразу отправит снимок пластины ребятам из Главка. Пусть попытаются определить, какая фирма использует этот товарный знак, на чем специализируется и где распространяет свою продукцию. Возможно, вся эта информация окажется незначительной, но проверить

стоило. Металлическая пластина, найденная в карьере, на данный момент была единственной зацепкой, которой он владел.

Вернулся Сотонкин и объявил, что Татьяна согласилась подвезти Гурова до Крымска.

– Хорошо, – кивнул Лев и двинулся к калитке. – Пойдемте, Анатолий, познакомите меня со своей зазубой.

– Карета подана, занимайте места согласно купленным билетам, – махнул в сторону машины Сотонкин.

Перед Гуровым стоял раритетный «ГАЗ-21» гагаринских времен, с легендарным оленем на капоте, за рулем которого сидела миловидная дамочка и приветливо улыбалась.

Он вздохнул и полез в салон. Сотонкин, до этого момента сомневавшийся, выгорит ли его авантюра, поспешил занять место возле водителя. Он хлопнул дверцей и скомандовал:

– Трогай, Татьяна! Покажем нашему столичному гостю, на что способен отечественный автопром.

Татьяна потыкала кнопки современной магнитолы. Салон наполнили звуки какой-то сентиментальной песенки. Поворот ключа, и двигатель взревел с новой силой. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Татьяна уверенно вдавила педаль газа, и машина плавно тронулась с места. Миновав последний дом, автомобиль вышел на трассу. Она прибавила скорость и, не поворачивая головы, поинтересовалась:

– Музыка не мешает?

– Все в порядке. Пусть играет, – ответил Гуров.

– Отлично. Вы – идеальный пассажир. Не люблю ездить в тишине, особенно когда с пассажирами. Сразу возникает какая-то неловкость. А в Крымске вам куда? Анатолий толком ничего не объяснил.

– В полицейский участок, – сказал Лев.

– Так вы из полиции? – Татьяна чуть шею не вывернула, так ей стало любопытно. – Из-за найденных трупов к нам приезжали? И что, удалось что-то обнаружить? Преступников поймают? Хорошо бы побыстрее с этим делом разобрались, а то даже страшно из дома выезжать. Мыслимое ли дело, четверых на тот свет отправили, и никто ничего не видел. Если бы не собаки Толика, то вообще никто ничего не узнал бы. У нас тут годами полиция не объявляется, а карьер этот давно колючей проволокой оцепить нужно. Это же не карьер, а сущий рай для террористов. Заявятся на своих внедорожниках, подорвут поселок, и поминай как звали!

– Так в поселке говорят? – заинтересовался Гуров.

– В поселке много чего говорят, – продолжала развивать тему Татьяна. – Например, говорят, что трупы эти из Чечни привезли и у нас сбросили. А еще говорят, что полиция и не думает преступников ловить. Подумаешь, безродные бомжи. Кто ради них станет стараться?

– Значит, бомжи, – задумчиво протянул Лев. – Неплохая версия.

– А как иначе? Документов при них не было, одежда вся истлевшая. Да вы сами-то их видели? Толик рассказывал, что эти бедолаги на узников Освенцима больше походили, чем на нормальных людей. Кожа да кости, правда, Толик?

– Правда. Когда их открыли, я чуть ума не лишился. Зрелище не для слабонервных, – охотно поддержал подругу Сотонкин. – Собаки у меня, а так бы я точно в запой ушел. Три дня спать потом не мог.

– И в поселке, говорите, никто ничего не видел и не слышал? – уточнил Гуров.

– Что ж мы могли видеть? Карьер в трех километрах от поселка. Это Толик у нас любитель дальних прогулок, а все остальные за версту это гиблое место обходили, теперь уж и подавно туда никто не сунется.

– Не переживай, Танек, полковник к нам из самой Москвы прибыл. Уж он разберется, кто тех несчастных уколошил. Правда, товарищ Гуров? – разворачиваясь к Гурову, потребовал ответа Анатолий.

– Сделаю все возможное, – с неохотой проговорил Лев.

Татьяна продолжала щебетать, выдавая одну за другой поселковые сплетни, разросшиеся за неделю до катастрофических размеров. Гуров слушал вполуха. Местные сплетни его не интересовали. Сейчас ему важнее было разработать план дальнейших действий. Он уже жалел, что так быстро покинул поселок. Надо было встретиться с майором Улановым, о котором упоминал Дмитренко. Жаль, эта мысль не пришла в голову раньше. Стоило сделать крюк и заехать к майору. Если он действительно толковый парень, мог бы оказаться полезен. Между тем машина уже въехала в Крымск. Татьяна приглушила музыку и сообщила, что через пять минут сможет высадить Гурова у районного отделения.

## Глава 3

– Вот скажи мне, Тарас, ты с рождения такой тупоголовый или в детстве у тебя все же проявлялись проблески разума?

Двое мужчин стояли посреди двора, окруженного высоким забором из профнастила. Хозяин двухэтажного особняка предпочитал не выставлять на всеобщее обозрение свое жилье. Из-за забора была видна лишь синяя черепичная крыша. Это все, что мог увидеть случайный прохожий, а гостей тут не жаловали. Тут вообще никого не жаловали.

– Что же ты молчишь? Снова ступор? – не дождавшись никакой реакции от здравомыслящего мужика в камуфляжном костюме, продолжал хозяин особняка. – Или обиделся?

Последний вопрос прозвучал довольно мягко, даже как-то сочувственно. Тарас решил, что на этот раз гроза прошла мимо, и решился подать голос:

– Кто же знал, что все так выйдет? Я решил, что они снова за старое, симулируют. Думал, стоит припугнуть их как следует, и все войдет в норму. Как обычно.

– Так ты думал? – переходя на зловеющий шепот, проговорил хозяин. Последнее слово он произнес протяжно, выделяя каждый звук. – Ты, оказывается, умеешь думать! Напомнить тебе, что случилось год назад, когда ты вот так же решил подумать на досуге, вместо того чтобы позвонить мне и получить четкие инструкции? Что глаза прячешь, сам вспомнил? Вижу, что не забыл. – Зловеющий шепот мгновенно перерос в гневный крик: – Так какого черта ты сделал то же самое?!

Тарас отступил на шаг назад, опасаясь, как бы хозяину не пришлось в голову заняться рукоприкладством. Не то чтобы он боялся не справиться со своим боссом, сила была явно на его стороне. Только кто же станет биться с человеком, дающим тебе кров и средства к существованию? Уж наверняка не он, не Тарас. А хозяин все больше распалялся:

– Скажи, какого черта ты пожалел этих дурацких таблеток? Ведь сказали же тебе: все, что нужно, чтобы избежать проблем, это пара упаковок антибиотиков и несколько литров воды. Ты, Тарас, доктор?

Тарас отрицательно покачал головой и собрался что-то добавить, но хозяин ему такой возможности не дал:

– Тогда чем ты руководствовался, определяя степень серьезности ситуации? Я закрываю глаза на то, что ты в десять раз урезал их суточную норму питания. Я смотрю сквозь пальцы на то, какими методами ты пользуешься, чтобы заставить их подчиняться тебе. А знаешь, почему я это делаю?

На этот раз Тарас и не пытался вклиниться в монолог хозяина. По опыту прошлых лет он знал: пока он не выскажет все, лучше помалкивать.

– Я это делаю только потому, что меня устраивает результат. Хорошая прибыль окупает все нюансы. А теперь что? Теперь я лишился сразу четырех пар рабочих рук, это раз. Я получил еще троих, готовых вот-вот откинуть копыта. А самое главное, я заработал огромную проблему. Огромную, Тарас, – это значит практически неразрешимую. И все благодаря твоим так называемым думам. Скажи мне, зачем ты потащил их в карьер? Неужели нельзя было вывезти тела подальше от меня? Или на бензине сэкономить хотел? Лишних двести километров – это же целая бочка горючего, так ты думал?

– Горючее-то здесь при чем? – не удержался от реплики Тарас. – Просто карьер казался самым безопасным местом. Если бы не тот придурок со своими псами, их бы сто лет не обнаружили. А таскаться с трупами по дорогам, где полно постов, – только новые проблемы плодить.

– Вот ты и наплодил, – подытожил хозяин. – Трупами заинтересовался начальник Крымского отделения. Всюду сует свой нос, и рано или поздно этот нос приведет его сюда.

– Пусть приходит, ему все равно не удастся найти подтверждений тому, что трупы как-то связаны с этим местом, – не очень убедительно произнес Тарас.

– Пока он не уgomонится, у меня нет возможности пополнить штат, а это, как ты понимаешь, прямые убытки. Как думаешь, с кого я их стребую? – Хозяин прищурился, разглядывая растерянное лицо Тараса.

– Не будет никаких убытков. Я сумею заставить оставшихся работать за десятерых. Поспят поменьше, но норму выполнят. Обе-щаю, – с горячностью заявил он.

– Хорошо, если так. На то, чтобы сделать норму, у тебя три дня. Старайся, Тарас, иначе твое положение сильно пошатнется, – многозначительно проговорил хозяин и направился к автомобилю. – Я уезжаю. Пару дней проведу в городе. Постарайся не напортачить сильнее. И проследи, чтобы оставшиеся получили лечение.

– Будет исполнено. Займусь этим немедленно, – заверил Тарас, бросаясь к воротам.

Машина хозяина выехала со двора. Тарас поспешил закрыть ворота и только после этого облегченно вздохнул. На этот раз пронесло. Крики и оскорбления хозяина его не задевали. Главное, чтобы денежки в карман текли. Еще пару лет, и можно будет послать ко всем чертям этого недоноска. Три года втайне от хозяина Тарас собирал деньги на покупку собственного жилья для себя и своей жены. Он тщательно оберегал эту тайну, даже собственная супруга была не в курсе его планов. Очень важно, чтобы так все и оставалось. Сейчас хозяин думает, что Тарас в его полной власти: документов нет, жилья нет, перспектив тоже. Идеальный работник. Дешевый и исполнительный. Но встретить старость в этой захудалой деревушке, раболепствуя перед самодуром до самой смерти? Нет, на это Тарас не подписывался. Рано или поздно он избавится от своего хозяина, а пока пусть думает, что Тарас жуть как боится потерять насиженное место.

Постояв у ворот несколько минут, он направился к маленькому домику, который вот уже несколько лет служил ему убежищем. Пошарив на полках, достал ампулы с лекарством, добавил несколько одноразовых шприцев, сложил все это в пластиковый пакет. Подумав, добавил три бутылки питьевой воды и снова вышел во двор. Собаки были в загоне. Тарас откинул защелку, выпуская псов на свободу. Он всегда так поступал, прежде чем идти в подвал. Даже если что-то пойдет не так и его подопечные вздумают бежать, дальше двора они не убегут. Собаки, натренированные им лично, не дадут беглецам и трех шагов сделать.

Тарас обошел дом и остановился перед подвальной дверью. Загребел замок, щелкнул выключатель, слабая лампочка осветила проход. Любой, кто вошел бы в подвал, не увидел бы там ничего подозрительного. Обычный подвал в обычном доме. Отопительный котел, комната со сваленным в ней хламом в виде старой мебели и использованных бочек из-под горючего. Пол земляной, но кому до этого есть дело? Не захотел хозяин тратиться на бетонную заливку, так что с того? Имеет право.

Миновав основную комнату, Тарас остановился возле стеллажа, на котором в хаотичном порядке были расставлены и разбросаны слесарные инструменты. Сдвинув банку с краской, он нажал на рычаг. Стеллаж плавно сдвинулся с места, открывая лестницу, ведущую вниз. У основания лестницы была еще одна дверь. Ее Тарас открыл специальным ключом, который всегда носил на шее. В подвале стояла гнетущая тишина.

– Эй вы, недоноски, получайте ваше лекарство! – грубо пнув ближайшее тело, распростертое на голом полу, прорычал он.

Человек пошевелился, но подняться не смог. Тогда от дальней стены отделилась фигура. Это был Леха. Шатаясь из стороны в сторону, он добрал до лестницы, протянув руку, взял пакет, а второй рукой ухватил сразу все бутылки с водой, принесенные охранником.

– Воду расходуй экономно, – предупредил Тарас. – И чтобы до утра поднял всех на ноги. Работа ждать не будет. Если к утру не встанете, отправитесь вслед за своими товарищами. Тебе ясно?



– Так быстро лекарство не подействует, – предупредил Леха. – На восстановление уйдет не меньше трех дней.

– А ты постарайся, чтобы подействовало! – прикрикнул Тарас. – Или хочешь работать за всех? Учти, я из-за вас прибыль терять не намерен.

– Дайте хотя бы сутки, – попытался поторговаться Леха. – Завтра они работать не смогут, только силы потеряют.

– Если только через сутки вы станете выдавать мне тройную норму, – заявил Тарас. – Можешь ты мне это гарантировать?

– За себя отвечаю, насчет остальных не уверен, – ответил Леха. – Лечение нужно было начинать вовремя.

– Похоже, ты меня учить вздумал? – взъерился Тарас. – Скажи спасибо, что сам жив остался. Не трать время на болтовню, приступай к лечению!

– Свет оставьте, в темноте я не смогу ничего сделать, – попросил Леха, понимая, что дальнейшая торговля бесполезна.

– Будет тебе свет, – смягчился Тарас. – У тебя десять минут. Постарайся успеть.

Дверь захлопнулась. В открывшемся смотровом окошке появился фонарь. Он освещал лишь небольшую часть подвала, но Леха и этому был рад. Распаковав ампулы, он вскрыл первый шприц, набрал лекарство и двинулся по узкому проходу между телами. Делать инъекции пришлось одним шприцем. Четверым больным ввел лекарство, последнюю дозу оставил для себя. После этого пошел по новому кругу. Поднимая голову товарища, вливал ему в рот немного воды и шел к следующему. Ровно через десять минут фонарь из смотрового окна исчез, окошко захлопнулось, погружая подвал в привычную темноту.

– Как думаешь, что стало с остальными? – Слабый голос принадлежал Владу.

Болезнь свалила его последним. Сейчас он едва-едва мог ворочать языком. Руки и ноги не слушались. Он был настолько изнурен непрекращающейся рвотой, что готов был на коленях умолять ублюдка Бультерьера пристрелить его на месте. Известие о том, что Бультерьер сменил гнев на милость и принес лекарство, его ничуть не порадовало. Отказаться от лечения он не мог, сил не хватило, но мысль о скорой смерти как об избавлении от страданий не покидала ни на минуту.

– Неважно, – отмахнулся Леха. – Главное, у нас появился шанс.

– Какой шанс? Помучиться еще пару месяцев? – печально спросил сосед справа. Имени его никто не знал, он отзывался на кличку Тончик. Что это означало, не было известно и ему самому. Тончик – и все. – Конец-то все равно один. Живыми нам отсюда не выбраться, – закончил свою мысль Тончик.

– Это еще неизвестно, – уверенно проговорил Леха. – Слышал, как хозяин на Бультерьера во дворе орал? Значит, он недоволен тем, что случилось с нашими товарищами. Надеюсь, теперь Бультерьер будет более осмотрительным.

– Как же, станет он осмотрительным. Держи карман шире! Два дня лекарствами попичкает и за старое примется, – выдавил из себя Тончик. – Слышал, что он про работу сказал? Теперь каждый за троих работать должен. Угробил мужиков ни за что, а теперь за нас примется. Не от отравления, так от непосильного труда загнемся.

– Что он сделал с остальными? – повторил вопрос Влад. Мысль о том, что стало с умершими товарищами, не давала ему покоя.

– Вывез куда-нибудь и прикопал, – отозвался Тончик. – Гниют теперь себе в лесочке, под березками. Счастливы!

– Что будет, если их найдут? – задал новый вопрос Влад.

– Заведут дело, попытаются найти родственников, а не найдя, сожгут в больничном крематории, – предположил Тончик. – Дело в архив, и концы в воду.

– Неужели четыре трупа никого не беспокоят? – заволновался Влад. – Ведь должны же власти отреагировать? Это вам не кошку на дороге сбить. Что, если власти станут копать и найдут нас?

– Забудь, – оборвал его Тончик, – никто нас не найдет. Свыкнись с мыслью, что все мы тут сдохнем. Лишние надежды только подрывают силы. Еще свихнешься на почве бесплодных ожиданий.

– Мне кажется, в словах Влада есть логика, – внезапно заявил Леха. – Четыре трупа за раз должны привлечь внимание прессы, а если за дело берутся журналисты, властям становится намного сложнее скрыть свое бездействие.

– Да заткнитесь вы уже! – прикрикнул на говоривших заключенный в возрасте. Он лежал в дальнем углу и тихо стонал.

– А ты нас не затыкай, Аркаша! – огрызнулся Тончик. – Люди беседуют, нечего им мешать. Между прочим, тебя это тоже касается. Забыл уже, как твоего приятеля Огурцова год назад отсюда выволокли вперед ногами? Как думаешь, нашли его уже или он тоже где-то под березкой догнивает?

– Если бы и нашли, никто о нем плакать не стал бы. Некому, – утихая, ответил Аркаша. – Огурцов семьи не имел. Родители померли еще до того, как он школу окончил. Сам мне рассказывал.

– Ясно, что родни нет. У нас у всех в этой графе пробел, потому мы и здесь, – отозвался Влад. – Бультерьер – наша семья.

– Никакая он мне не семья, – обозлился Аркаша. – Я бы такого родственника еще при рождении удушил собственными руками.

– Родственников не выбирают, – слабо рассмеялся Влад. – И мы Бультерьера не выбрали. Чем не родня?

– Надо отсюда выбираться, – озвучивая свои мысли, произнес Леха. – Иначе нам точно всем конец.

– Забудь! – испугался Влад. – Ты на рожон полезешь, а нам всем отвечать? Мало тебе бед?

– Просто действовать нужно сообща и план как следует продумать.

– Только попробуй! Я первый тебя Бультерьеру сдам, – пригрозил Влад.

– Остынь, Влад, Леха шутит, – попытался свести слова Лехи к шутке Тончик. – Отсюда не выбраться, и он это прекрасно понимает. Давайте поспим немного. Похоже, лекарство действовать начинает.

На этом разговоры в подвале стихли. Леха занял привычное место возле кирпичной стены. Ему не спалось. Смерть четверых товарищей заставила его по-новому взглянуть на ситуацию. Он понимал, что долго так не протянет. Нужно действовать, но как? Подвал находится под землей. Дверь в подвале металлическая, закрывается на крепкий замок. Во дворе свора злобных собак. Выводят их из подвала только на работу, причем в такой же подвал, правда, посветлее и почище. Работают они в кандалах. С пудовыми гирями на ступнях не разбежишься. Да и куда бежать? Районным властям до них никакого дела. Хозяин запанибрата с местным начальником, может, даже приплачивает тому за молчание. Типа «крыши» он у него, что ли? Это не облегчало проблемы. Даже если удастся сбежать, к кому обратиться за помощью? К хозяйской «крыше»? До города они вряд ли сумеют добраться, разве что машину угнать?

Вот если бы мужики согласились напасть на Бультерьера! Выковырять кирпич из стены, подкараулить у входа, долбануть по темечку, а там – свобода! Собак бультерьеровским шоке-ром распугать. Своей машины у Бультерьера нет, это наверняка. Он со двора ни разу не выезжал, Леха специально следил. Хозяин приезжал на своем авто, на нем же и уезжал. Еще тот, что их сюда вербовал, на своей машине приезжал, но очень редко. Возможно, теперь ему нужно будет вербовать новых несчастных. Рабочая сила им нужна, значит, и поставка скоро будет. Только с двумя сразу им не справиться. Постоянное недоедание и содержание в подвале сил

не прибавляли, а эти боровы жрут от пуза, спят на мягкой постельке, им хиреть не с чего. Нет, надеяться захватить транспорт прямо во дворе – пустые надежды.

И все равно попытаться вырваться на свободу нужно. Сейчас самый подходящий момент. Бультерьер напуган случившимися смертями, свирепствовать пока не будет. Ему придется хотя бы воды им вдоволь давать. И от ослабленных болезнью заключенных он сопротивления не ждет. Значит, нужно действовать. Самое сложное – уговорить мужиков. Они напуганы не меньше Бультерьера. Трясутся за свою шкуру, как зайцы трусливые. А одному Лехе с охранником не сладить. Или все же рискнуть?

Утомленный мыслями о побеге, он не заметил, как задремал. Ему приснился ринг. Международные соревнования по боксу. На нем боксерская форма синего цвета. Белый пояс с эмблемой клуба. Во рту капа. Тренер шепчет последние наставления, энергично обмахивая его полотенцем. Удар гонга. Леха поднимается, идет в центр ринга. Его соперник силен. Чернокожий громила. Восемнадцать побед и ни одного поражения, но сегодня Леха собирается исправить это упущение. Он обязательно победит. Должен победить, он это чувствует. Рука в перчатке идет на сближение. Удар, еще удар. Серия ударов в корпус, и чернокожий громила повержен. Зал взрывается громом оваций. Леха выплевывает капу на ринг. Все, он сделал это. Теперь он – чемпион мира! Цель достигнута... Сон на этом прервался, погружая Леху в черные глубины небытия.

– Что же вы не связались со мной, я бы машину прислал. – Подполковник Дмитренко казался расстроенным.

Гуров вырос на пороге его кабинета несколько минут назад, а до этого вызвал настоящий переполох в отделе. Дежурный даже оставил свой пост для того, чтобы лично сопроводить высокого гостя до кабинета начальника. Оперативник, которому было поручено подготовить личный кабинет для полковника, бросился навстречу Гурову, спеша доложить об успешном выполнении задания. Откуда-то появилась упитанная дама, заявившая, что квартировать и столоваться полковник будет у нее. Мол, распоряжение начальника. Она готова была немедленно забрать его с собой, чтобы попотчевать приготовленными блюдами. Гурову с трудом удалось отбиться от этой троицы и добраться-таки до кабинета Дмитренко, но и тут суматоха не улеглась. Мысль о том, что столичный гость вынужден пользоваться услугами наемных водителей, буквально шокировала подполковника.

– Не понимаю, с чего такая суета вокруг моей персоны? – искренне недоумевал Лев. – Я приехал в Крымск не на печи валяться, а выполнять свою работу. То, что мне пришлось воспользоваться помощью местных жителей, нисколько не влияет на скорость передвижения.

– Нет, это никуда не годится, – категорично заявил Дмитренко. – С этой минуты мой автомобиль переходит в полное ваше распоряжение. Вместе с водителем. И не возражайте, отказа я не приму!

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – смирился Гуров. – Тогда у меня к вам еще одна просьба. Хочу посетить местный архив. Пропуск выпишете?

– Архив? Хотите покопаться в старых делах? – удивился подполковник. – Лично?

– Почему бы и нет? Мне кажется, так будет продуктивнее, чем передавать дело кому-то из ваших людей. Во-первых, у меня глаз наметанный, во-вторых, я точно знаю, что искать.

– Думаете найти там зацепку? Или появились новые данные?

– Пока не знаю. Просто с чего-то ведь нужно начинать, – пожал плечами Лев.

– Хорошо. Я распоряжусь, чтобы дежурный проводил вас в архив. У нас здесь все в одном месте, архив в соседнем здании.

– Отлично! – обрадовался Лев.

– Когда планируете приступить?

– Прямо сейчас и отправлюсь.

– А как же обед? Валентина Сергеевна уже все приготовила, – беспокоился Дмитренко. – Пойдите, подкрепитесь. Посмотрите свои апартаменты, если что-то не устроит, будет время подыскать более подходящее жилье. Посетив гостиницу, я пришел к выводу, что в частной квартире вам будет удобнее. Но это мое мнение, оно может не совпадать с вашим, поэтому хотелось бы определиться до темноты.

– Меня вполне устроит любое подготовленное вами жилье, – успокоил его Гуров. – А сейчас мне бы хотелось отправиться в архив. С обедом придется повременить.

Дмитренко больше не настаивал. Вызвав дежурного, отдал соответствующие распоряжения, и Гуров покинул наконец кабинет беспокойного начальника. Перейдя дорогу, он поднялся на крыльцо двухэтажного здания старой постройки. Дежурный опередил его на несколько шагов и уже инструктировал сотрудников архива. После этого он удалился, а молоденькая девушка, вежливо поздоровавшись, повела Гурова в центральный зал. Там она выложила перед полковником гору папок, указала на аппарат внутренней связи и, попросив связываться с ней по мере необходимости, продиктовала номер телефона. Минуту спустя Гуров остался в зале один. Он разложил папки по мере убывания дат и приступил к изучению.

Он хотел убедиться, что подобные случаи не происходили в районе раньше. Спрашивать об этом Дмитренко было бессмысленно. Подполковник в этом районе человек новый, а надеяться на то, что местные «законники» выложат перед ним всю подноготную, было бы неправильно. И потом, будь информация на слуху, об этом давным-давно доложили бы Дмитренко. Раз этого не сделали, то либо ранее подобных дел в районе не было, либо кому-то сильно не хочется ворошить прошлое. Гуров делал ставку на последнее. Серия преступлений местным властям не на руку, тем более если предыдущие дела спустили на тормозах.

Лев оказался прав. В архиве обнаружилось сразу два похожих случая. Первый труп был обнаружен год назад на территории, подведомственной Дмитренко. Труп выловили из реки в конце лета. Истощенное тело мужчины пробыло в воде не меньше трех месяцев. В отчете криминалиста сказано, что кисти рук были настолько изъедены рыбами, что восстановить эпидермис не представлялось возможным. Следов насильственной смерти не обнаружили. Выяснить имя утопленника тоже не смогли. Произведя формальные процедуры расследования, дело передали в архив. За отсутствием состава преступления уголовное дело не заводили. Просто один из многих людей без определенного места жительства утонул в реке, вот и весь расклад. Тот факт, что вес бомжа приближался к минимально допустимому порогу дистрофии, никого, похоже, не смутил.

Второе дело было более обширным. Труп мужчины обнаружил один из жителей соседнего района, пограничного с вотчиной Дмитренко. На разработку в этот же отдел оно попало только по той причине, что свидетель, умалишенный Тасик, наотрез отказывался общаться с кем бы то ни было, кроме бывшего начальника Крымска, ныне покойного полковника Зубова. По каким-то причинам пожилому следователю Тасик доверился, а так как труп обнаружили на пограничной территории, дело было передано местным властям. Этот труп тоже находился в крайней степени истощения. И еще одна деталь, особо заинтересовавшая Гурова: у трупа отсутствовали обе ладони. Здесь о случайной смерти речи быть не могло. Покойник никак не мог сам отрубить себе обе конечности, а после этого зарыть свое тело в лесочке. Уголовное дело было возбуждено, но спустя месяц благополучно сдано в архив. Кроме ненадежного свидетеля с явными признаками слабоумия, никаких зацепок найдено не было. В районном отделе решили, что тело привезли издалека, то есть преступление было совершено не на их территории, на том и успокоились. Как и в случае с утопленником, розыск родственников ничего не дал. Ни в одном из двух районов о пропаже мужчины не заявили. Свидетельские показания Тасика приобщили к делу с пометкой, что словам данного свидетеля доверия нет.

Гуров же решил более подробно изучить показания Тасика. Получалось следующее: Тасик проживает в деревушке, входящей в состав городского поселения, с престарелой мате-

рю. В летние месяцы он частенько сбегает из-под ее надзора и проводит ночи под открытым небом. В эту ночь он обосновался как раз в том лесочке, где был обнаружен труп. По словам Тасика, он спал на дереве, которое облюбовал еще в прошлом году. Раскидистые ветки представлялись ему шалашом, где очень тепло и уютно. Забравшись на дерево, Тасик уснул. Ближе к утру он услышал шум. Открыв глаза, увидел в десяти метрах Дракона. Он испугался и снова зажмурился. Дракон стоял в лесу долго. Шумел и пугал Тасика. От страха Тасик заткнул уши, крепко зажмурился и мечтал только об одном – чтобы Дракон поскорее убрался из леса. Так и случилось. Когда Тасик решился открыть глаза, Дракона не было. Он какое-то время посидел на дереве, потом собрался возвращаться домой. Шалаш на дереве уже не казался теплым и уютным. Он спустился с дерева, но из леса не ушел. Вместо этого направился к тому месту, где видел Дракона. Под деревом оказалась свежерытая земля. Тасик решил, что Дракон спрятал там клад. Он начал рыть землю голыми руками, а когда наткнулся на человеческую голову, так испугался, что бросился бежать и бежал до тех пор, пока не оказался в своем доме. Там он забился под кровать и заявил перепуганной матери, что видел, как Дракон спрятал в земле человека. Мать вызвала полицию.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.